

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Д. Е. Афиногенов</i> Византия, Рим и «Фотиева схизма»	9
<i>П. В. Кузенков</i> Догматическая и церковно-каноническая полемика	19
<i>А. Р. Фокин</i> Учение о «двойном исхождении» Святого Духа в латинской богословской традиции (с конца II века до времени свт. Фотия)	50
Интронизационное послание патриарха Фотия папе Николаю I (Epistula 288) (Перевод Афиногенова Д. Е.)	93
Ответ папы Николая I на первое послание патриарха Фотия (Epistula 83) (Перевод Афиногенова Д. Е.)	100
Второе послание патриарха Фотия папе Николаю I (Epistula 290) (Перевод Афиногенова Д. Е.)	102
Ответ папы Николая I на второе послание патриарха Фотия (Epistula 12/86) (Перевод Афиногенова Д. Е.)	118
Окружное послание Фотия, патриарха Константинопольского, к восточным архиерейским престолом (Перевод Кузенкова П. В.)	125
Послание патриарха Фотия архиепископу Аквилейскому (Epistula 291) (Перевод Афиногенова Д. Е.)	146
Фотия патриарха слово о тайноводстве Святого Духа (Mystagogia) (Перевод Афиногенова Д. Е.)	160
Патриарха Фотия «Амфилохии» (Перевод Афиногенова Д. Е.)	208
ВОПРОС 28 Если Сын и Дух происходят от одной и той же Причины, почему Они не принимают звание братьев и к Духу не применяется наименование Сына?	208

ВОПРОС 181	
Почему Божество доходит до Троицы и ни ограничивается меньшим, ни простирается далее?	211
ВОПРОС 182	
Как мы говорим, что Божество есть одно и три?	216
ВОПРОС 183	
Ему же о том же	219
ПРИЛОЖЕНИЕ. Того же святителя Фотия, архиепископа Константинопольского ГОМИЛИЯ, сказанная на амвоне Великой церкви (Homilia 16) (<i>Перевод Афиногенова Д. Е.</i>)	220
Библиография	231
Указатель библейских цитат	236
Указатель имен	239

ПРЕДИСЛОВИЕ

Полемика свт. Фотия, патриарха Константинопольского (ок. 810/820–890/895), с Римской Церковью не нуждается в особом представлении. Именно Фотию Византия обязана появлением полноценной традиции православной полемики против таких нововведений Римской Церкви, как *Filioque*, celibат духовенства, субботний пост, послабления в период Великого поста и т. д. На его плечах стояли такие крупные византийские богословы-полемисты, как св. Николай Мефонский, Герман II Константинопольский, Никифор Влеммид, имп. Феодор Ласкарь, св. Георгий Кипрский, св. Григорий Палама, Иосиф Вриенний, св. Марк Эфесский и многие другие, которые лишь дополняли и развивали уже использованные Фотием методы аргументации и его основные догматико-богословские и церковно-канонические аргументы. В результате этого длительного процесса в Византии выработался совершенно особый взгляд не только на Римско-Католическую Церковь, соперничавшую с Церковью Византийской за господство над ойкуменой, но и на западное христианство в целом как нечто еретически-подозрительное. Этот взгляд, подразумевающий строгую оценку западной догматики и церковной практики с точки зрения выработанных в соборную эпоху норм и канонов вселенского Православия, со временем стал достоянием не только собственно Византийской Церкви в границах четырех ее патриархатов, но и всех поместных Православных Церквей.

В предлагаемом ныне российским читателям издании впервые собраны новые русские переводы всех сочинений свт. Фотия Константинопольского, посвященных антилатинской полемике: переписка с папой Николаем I (послания 288 и 290 по изданию В. Лаурдаса и Л. Вестеринка), Окружное послание, послание 291 архиепископу Аквилейскому, знаменитое «Слово о тайноводстве Святого Духа», или Мистагогия, наконец, «Амфилохии» 28 и 180–183. Все они посвящены тем или иным вопросам антилатин-

ской полемики, через которую красной нитью проходит вопрос о тринитарном догмате и латинской прибавки к нему в виде *Filioque*. В качестве отдельного приложения мы помещаем перевод гомилии 16, в которой речь идет об истории арианских споров в IV в. и излагается синтез тринитарного учения свт. Фотия. Для введения читателей в курс дела издание снабжено одной церковно-исторической и двумя историко-богословскими вступительными статьями, в которых описаны исторические перипетии двух патриаршеств Фотия и его непростые отношения с Римом (статья Д. Е. Афиногенова), раскрыто содержание и систематизированы основные аргументы его полемики с догматическими и церковно-практическими новшествами Римской Церкви (статья П. В. Кузенкова), наконец, дана краткая история возникновения и распространения учения о «двойном исхождении» Св. Духа на латинском Западе с конца II века до времен свт. Фотия (статья А. Р. Фокина). В издании также имеется краткая библиография и указатели библейских цитат, личных имен и понятий. Надеемся, что это первое полное издание русского перевода антилатинских сочинений знаменитого Константинопольского святителя будет востребовано в широких кругах нашей культурной общности, интересующихся вопросами истории христианской Церкви и Византийской империи, патристикой и догматическим богословием.

Редакторы сборника

Д. Е. Афиногенов

Византия, Рим и «Фотиева схизма»*

В церковно-политическом отношении так называемая «Фотиева схизма», как принято называть разрыв церковного общения между Римским папой и Константинопольским патриархом во второй половине IX в., имела ряд очень существенных отличий от предыдущих инцидентов такого рода (например, «Акакиевой схизмы» VI в.). Прежде всего, было бы не совсем правильно говорить о расколе между Западной и Восточной половинами Вселенской Церкви как таковом, потому что определенная часть византийской Церкви никогда общения с Римом не прерывала. Таким образом, суть происшедшего невозможно понять без учета внутрицерковных конфликтов в Византии.

Противостояние двух группировок окончательно оформилось во время так называемого «михианского раскола» (795–797) при патриархе Тарасии (784–806) и Феодоре Студите. Распространенные в ученых трудах концепции вроде борьбы монахов-ригористов с послушной государству церковной иерархией (или «умеренной» партией приверженцев светской учености, в зависимости от позиции каждого конкретного исследователя) к настоящему времени устарели. По всей видимости, главную роль играли связи разных церковных деятелей с группами аристократических кланов, ведшими постоянную борьбу за власть. Кроме того, сторонники Тарасия и его православных преемников Никифора I (806–815) и Мефодия I (843–847), а впоследствии и

---

* Научная литература на эту тему чрезвычайно обширна. В данном очерке в основном использовались классические работы Ф. Дворника: *Dvornik F. The Photian Schism. History and Legend.* Cambridge, 1948; *Idem. The Patriarch Photius in the Light of Recent Research // Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress. München, 1958. Bd. III.2, S. 1–56; Idem. Photian and Byzantine Ecclesiastical Studies.* L., 1974, VI.

Фотия выступали за сильную власть патриарха как внутри Церкви, так и вне ее, власть, которая позволила бы ему сопротивляться нажиму со стороны императорской власти и даже оказывать на нее влияние, тогда как их противники, вовсе не одобряя вмешательства светских властей в церковные дела, полагались скорее на духовный, а не на институциональный авторитет отдельных признанных подвижников благочестия. Так или иначе, острая фаза конфликта продолжалась до воцарения Михаила I Рангаве в 811 г., который приложил всяческие усилия, чтобы примирить Феодора Студита с патриархом Никифором. При этом императоре Студийский игумен стал одним из самых влиятельных советников¹. Однако в 813 г. на престол взошел Лев V, который уже через два года возобновил гонения на иконопочитание. В этой ситуации православная оппозиция сумела сплотиться, забыв прежние разногласия. Различия между группировками, тем не менее, никуда не исчезли – так, в ходе восстания Фомы Славянина (820–823) император Михаил II Травл некоторым из видных иконопочитателей (например, Феодору Студиту и его сподвижникам) велел эвакуироваться в Константинополь, а других (например, патриарха Никифора) оставил в местах их проживания. По всей видимости, это объяснялось неодинаковым отношением к Фоме сторонников той или иной «партии».

Очередное обострение отношений случилось уже вскоре после восстановления иконопочитания в марте 843 г. На сей раз новоизбранный патриарх Мефодий столкнулся с учениками и преемниками Феодора Навкратием, игуменом Студийским, и Афанасием, игуменом Саккудиона. Мефодий, на экклезиологические взгляды которого, возможно, повлияло знакомство с римскими представлениями о патриаршей власти в Церкви, потребовал от монахов осудить те сочинения их учителя, в которых он нападал на Тарасия и Никифора, обвиняя их в ереси. Студиты отказались, и дело дошло даже до отлучения и анафемы. Впрочем, смерть патриарха 14 июня 847 г. положила конец этой стадии конфликта, поскольку преемник Мефодия Игнатий, сын того

---

¹ См.: Theophanis Chronographia / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1883. P. 498, 19–23.

самого Михаила I, не стал продолжать церковно-политическую линию своего предшественника и, очевидно, снял все прещения с поддерживавших его студитов.

Интронизация Игнатия была омрачена весьма неприятным эпизодом. Увидев стоявшего среди других высших иерархов архиепископа Сиракузского Григория Асвесту, который был ближайшим соратником Мефодия и оставался признанным лидером его приверженцев (он, в частности, написал несохранившееся житие Мефодия), новый патриарх приказал ему покинуть храм, подразумевая, что не признает Асвесту действующим архиереем. Тот в сердцах бросил на землю свечи, которые держал в руках, и заявил, что вместо пастыря в Церковь проник волк. Именно в этот момент были посеяны зерна будущей схизмы, как между игнатианами и фотианами, так и между Римским и Константинопольским патриаршиями престолами. Дело в том, что канонический статус Асвесты был поставлен под вопрос именно римским папой Львом IV, посчитавшим незаконной одну из проведенных им епископских хиротоний. Папа считал Сицилию своей территорией, и все рукоположения тамошних архиереев, по его мнению, должны были совершаться с его одобрения. У Мефодия, несмотря на заявления позднейших тенденциозных источников, претензий к Григорию не было. Между тем само появление архиепископа на интронизации Игнатия следовало понимать как примирительный жест, поскольку у него и его сторонников имелись серьезные сомнения в каноничности поставления самого патриарха. Таким образом, на сей раз обострение отношений между двумя группировками произошло по инициативе противников Мефодия.

Здесь необходимо сказать о той роли, которую Римская Церковь играла в упомянутых выше конфликтах. К папе апеллировали студиты в борьбе против патриарха Никифора, но без особого успеха. Рим выразил недовольство в связи с рукоположением как Тарасия, так и Никифора сразу из мирян, но в конце концов признал и того, и другого законными предстоятелями Церкви. Когда император Лев V лишил Никифора кафедры, тот отправил своего архидиакона, будущего патриарха Мефодия, к папе представлять интересы иконопочитателей. Мефодий про-

вел в Риме несколько лет (815–820) и был там рукоположен во пресвитеры. В Византию он вернулся после гибели Льва, везя с собой послание папы Пасхалия в защиту священных изображений. В этом послании папа также требовал восстановить Никифора на патриаршем престоле. Пока в империи господствовало иконоборчество, приверженцы обеих группировок действовали вместе, добившись, в частности, того, что папы так и не признали новую церковную иерархию, несмотря на дипломатические усилия властей². Таким образом, дело Григория Асвесты стало в некотором роде поворотным пунктом в отношениях Рима с православной Византийской Церковью, прежде всего потому, что папы продемонстрировали твердое намерение бороться за возвращение себе канонической власти над территориями, выведенными из-под их юрисдикции еще императором Львом III в 732 г., – Южной Италией, Сицилией, а также диоцезом Иллирик с центром в Фессалонике. Мефодий, однако, до самой смерти оставался в полном согласии с Римом³. При Игнатии такое положение сохранялось, но с некоторыми оговорками, потому что когда патриарх около 853 г. низложил Григория Асвесту вместе с несколькими другими епископами (надо думать, тоже поддерживавшими политику Мефодия) по единственному обвинению – в расколе, тот пожаловался папе Льву IV. Игнатий вынужден был оправдываться, но Лев и его преемник Бенедикт III намеренно оставили вопрос в подвешенном состоянии.

Все изменилось в 856 г., когда брат императрицы Феодоры Варда устроил заговор, в результате которого фактический правитель империи канцлер Феоктист был убит, а Фео-

---

² В 827 г. императоры Михаил и Феофил отправили специальное посольство к папе и императору Людовику Благочестивому. Послание Людовику сохранилось: *Michaelis et Theophili Imperatorum Constantinopolitanorum epistula ad Hludovicum Imperatorem directa* // *Monumenta Germaniae Historica. Leges. Sectio III. T. 2: Concilia aevi Karolingi* / Ed. A. Werminghoff. Vol. I/2. Hannover, 1908. P. 475–480.

³ Интересно, что у хрониста Георгия Монаха, писавшего еще при жизни Мефодия и явно имевшего доступ к его архиву, есть довольно пространное обоснование римского обычая поститься по субботам: *Georgii Monachi Chronicon* / Ed. C. de Boor, P. Wirth. Stuttgart, 1978. P. 374.24–376.7.

дора отстранена от власти. Поскольку Михаил III не проявлял способностей к самостоятельному управлению государством, влияние Варды при дворе стало доминирующим. Между тем, Игнатий, при поставлении давший присягу защищать интересы Михаила и Феодоры, пошел на прямой конфликт с фаворитом. Патриарх отлучил его от причастия из-за того, что он будто бы сожительствовал с вдовой своего умершего сына. Каковы бы ни были канонические основания этого поступка, сам Варда и значительная часть византийского общества расценили его как политический демарш. Чашу терпения правительства переполнил отказ патриарха осенью 858 г. постричь в монахини отстраненную от власти Феодору и ее дочерей. В это время в столице появился некто Гивон, объявивший себя внебрачным сыном императрицы, и начал собирать вокруг себя ее сторонников. Игнатий был, возможно, небезосновательно обвинен в заговоре (Варда называл его Γῆβωσσίλευτος, то есть подданным царя Гивона) и смещен, подав добровольное отречение, а на Константинопольскую кафедру избран Фотий, высокопоставленный придворный (протоаскрит, начальник секретариата) из очень знатной семьи, внучатый племянник патриарха Тарасия. Новый кандидат являлся, по всей видимости, наиболее приемлемой для всех фигурой, какую только можно было себе представить: еще в юности он вместе с семьей пострадал за Православие, в столкновении Мефодия со студитами, насколько можно судить, участия не принимал, а при Феодоре и Феоктисте пользовался благосклонностью правителей. Младший брат Фотия Сергей женился на сестре императрицы. К тому же Фотий был, бесспорно, ученейшим человеком своего времени. То, что он не имел к тому времени священного сана, византийцев не беспокоило, потому что из трех его православных предшественников двое стали патриархами именно из мирян, да и канон, запрещающий такие хиротонии, в Константинополе в то время еще не признавали. Вместе с тем, преемственность Фотия по отношению к Мефодию, а не к Игнатию, была сразу же заявлена тем, что рукополагал нового патриарха в декабре 858 г. ни кто иной как Григорий Асвеста.

Самые непримиримые сторонники Игнатия, после некоторой паузы собравшись в церкви св. Ирины, в феврале 859 г. объявили Фотия низложенным, а Игнатия – единственным законным патриархом. После этого (вероятно, в августе того же года) в храме Св. Апостолов состоялся многочисленный собор, на котором ревностные игнатиане были лишены сана и отлучены от Церкви, а избрание Игнатия объявлено изначально незаконным, поскольку произошло без собора, по единоличному повелению императрицы (патриарху припомнили и злополучную присягу правительству Феодоры). Варда подверг несогласных жестоким репрессиям, за что Фотий его горько упрекал. Игнатий был заточен и сослан.

Весной 860 г. император Михаил III и Фотий отправили послания папе Николаю I, причем император в силу своих прерогатив пригласил его прислать легатов на собор, который должен был окончательно осудить иконоборчество. Николай, пламенный борец за полное подчинение всех Церквей Римскому престолу, воспользовался случаем, который был для этой цели еще более благоприятным, чем для его предшественников – дело Григория Асвесты, и объявил, что только папа может вынести вердикт относительно низложения Игнатия. В то же время в письме императору Николай просил вернуть ему юрисдикцию над Сицилией и Иллириком, намекая, что на этой основе возможно прийти к соглашению. Доставившие эти послания в Константинополь легаты Родоальд и Захария убедились на месте, что игнатианская оппозиция вовсе не так сильна, как это казалось из Рима, а возвращение диоцезов абсолютно неприемлемо для императора. В результате длительных переговоров они согласились на предложенный греками компромисс: легаты будут участвовать в новом суде над Игнатием (хотя с точки зрения византийцев такового не требовалось), но их решение, вынесенное от имени папы, будет считаться окончательным, хотя Николай в своем послании недвусмысленно оставлял последнее слово исключительно за собой. Легаты, хорошо разбираясь в каноническом праве, полагали, что создаваемый прецедент, когда вердикт по делу главы Константинопольской Церкви будет вынесен посланцами папы от его имени, стоит тех

уступок, на которые они вынуждены будут пойти. В число этих уступок входило и то, что послание Николая должно было быть оглашено на соборе в модифицированном виде.

Весной 861 г. собор, наконец, состоялся. Вызванный на него Игнатий заявил, что не апеллировал к папе и не собирается этого делать. Родоальд же и Захария согласились с его осуждением. Однако по возвращении легатов в Рим Николай дезавуировал их действия, хотя и не наказал их заслушивание сразу. Между тем сторонники Игнатия сфабриковали апелляцию к папе от его имени, так наз. *Libellus Theognosti*, на основании которой Николай низложил и отлучил Фотия на соборе 863 г. в Риме, признав законным патриархом Игнатия. Реакция константинопольского двора была весьма резкой (об этом можно судить по ответному письму папы – *Epistula VI*), тогда как патриарх на сей раз не считал нужным оправдываться.

Тем временем первостепенные по важности события разворачивались в Болгарии. Князь Борис (Богорис) в 864 г. принял христианство от священников, присланных из Константинополя, причем восприемником его считался сам император, чье имя он и получил при Крещении. Но политическая цель Бориса-Михаила состояла в том, чтобы создать в Болгарии независимую от византийской Церковь. Чтобы добиться этого, он обратился к Риму, в результате чего в 866 г. греческие священники были изгнаны из страны, а их место заняли западные миссионеры. Папский престол считал, что действует с полным правовым основанием, поскольку существенная часть тогдашней Болгарии (включая Охрид и Средец, то есть Софию) находилась на территории старого диоцеза Иллирик (при этом северо-западные земли с Плиской и Тырново относились к Фракии, то есть подпадали под юрисдикцию Константинополя). В данной ситуации решительных действий требовали не какие-то краткосрочные церковно-политические замыслы, но коренные интересы византийского государства. Именно тогда Фотий разослал Восточным патриархам свое Окружное послание и стал готовиться к собору, который в 867 г. низложил и анафематствовал Николая I. Только с этого момента можно говорить о настоящем расколе между Константинопольским и Римским патриархатами.

Спустя очень короткое время после собора, 24 сентября 867 г. император Михаил III пал жертвой заговора, организованного его соправителем Василием I Македонянином. Новый государь незамедлительно сместил и сослал Фотия и восстановил на патриаршем престоле Игнатия. Однако соборное оформление этих действий шло с большим трудом. Лишь в 869 г. удалось собрать двенадцать епископов, хиротонию которых игнатиане считали безупречной (очевидно, большинство архиереев, рукоположенных Мефодием и Игнатием, или считались низложенными как одобрявшие осуждение Игнатия, или попросту не пожелали принять участие в этом мероприятии). Затем число участников возросло (деяния собора подписало сто с небольшим человек), но представительным этот игнатианский собор 869/870 г., который Западная Церковь впоследствии стала считать VIII Вселенским, назвать никак нельзя. В присутствии папских легатов византийские епископы подписали документ, в котором признали верховенство Римского престола. Мотивы, руководившие Василием I, вероятно, заключались в том, чтобы ослабить влияние патриархата и поставить его в подчиненное по отношению к светской власти положение. При этом император, видимо, полагал, что папа все равно не сможет вмешиваться в повседневное управление Константинопольской Церковью.

Тем не менее, даже на этом соборе папству не удалось добиться всего желаемого. Как ответ на обличения, содержащиеся в «Окружном послании», было принято положение о недопустимости изменений в Символе веры. Уже в 870 г. Игнатий доказал, что вовсе не собирается быть послушным проводником римской политики. Когда болгары под сильным давлением, в том числе военным, вынуждены были признать главенство византийской Церкви, патриарх рукоположил для них епископов и священников. Латинские миссионеры были в свою очередь изгнаны. Папы Адриан II и Иоанн VIII пытались протестовать, но Игнатий отвечал точно в том же духе, что и Фотий, то есть что он и рад бы отдать Риму власть над Иллириком (Болгарией), но император ему этого не позволяет. Как показывает письмо Иоанна VIII, датированное апрелем 878 г., Игнатий незадолго до своей смерти в октябре 877 г. находился

на грани отлучения со стороны Рима – именно из-за неуступчивости в болгарском вопросе⁴.

Вначале условия, в которых содержался ссыльный Фотий, были довольно суровыми: так, в одном из писем он жалуется, что ему даже не позволили взять с собой книги⁵. Со временем, однако, положение низложенного патриарха стало улучшаться. Враждебные Фотию источники приписывают это вымышленной генеалогии, которую он будто бы составил для императора Василия I, возведя его род к древним армянским царям. В принципе ничего невозможного в этом нет, поскольку нам известно, что подобную генеалогию, только с отрицательным знаком, имел в своем распоряжении (если не сам составил) патриарх Никифор для Льва V, предками которого будто бы были сыновья ассирийского царя Сеннахирима, убившие отца и бежавшие в Армению⁶. Тем не менее, постепенное возвращение Фотия из опалы следует объяснять скорее изменениями в политике императора. Преобладающая часть византийской Церкви была на стороне Фотия, который в письмах из ссылки наставлял оставшихся ему верными епископов. В 873 г. патриарх вернулся в столицу и был поселен в Большом императорском дворце, где занимался обучением императорских сыновей и, вероятно, преподаванием в училище Магнавра. Не позже 876 г. произошло окончательное примирение между ним и Игнатием. Еще до смерти последнего, 23 октября 877 г., Фотий стал участвовать в управлении церковными делами, а после нее вновь занял патриарший престол.

Получив известие об этом, папа Иоанн VIII, давно разочаровавшийся в Игнатии, направил императору, Фотию и византийскому клиру послания, в которых объявил о своем решении признать Фотия законным патриархом. В конце 879 – начале

---

⁴ См.: *Monumenta Germaniae Historica. Epistulae. Vol. VII. Beroini, 1928. P. 62–63.*

⁵ См.: *Photii Epistulae et Amphilochia / Ed. B. Laourdas et L.G. Westerink. T. 1. Leipzig, 1983. Ep. 98.42–43.*

⁶ См.: *Georgii Monachi chronicon / Ed. C. de Boor. Stuttgart, 1978. Vol. 2. P. 780, 13–781, 15.*

880 г. на соборе в Константинополе легаты Евгений и Павел подтвердили его примирение с Римом. Тот же собор вновь подтвердил запрет на какие бы то ни было изменения в Символе веры. Тем самым единство между Римским и Константинопольским престолами было восстановлено на долгие десятилетия. Сам же Фотий был вынужден отречься от патриаршества из-за смены политической линии императором Львом VI после смерти его отца Василия I в 886 г. Свои дни святитель окончил в монастыре Иерия после 890 г., успев подготовить расширенное и переработанное издание «Тайноводства о Святом Духе».